

Примечания

- ¹ ОР РГБ. Ф. 550. Карт. 2. Д. 11. Л. 7.
- ² Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991. С. 11.
- ³ Там же. С. 18.
- ⁴ Цит. по: Беловинский Л.В. Изба и хоромы. М., 2002. С. 289.
- ⁵ Друцкой-Соколинский В.А. Да благославенна память. Записки русского дворянина (1880–1914). Орел, 1996. С. 9–10.
- ⁶ Голицына И.Д. Воспоминания о России (1900–1932). М., 2005. С. 27.
- ⁷ Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р–5328. Оп. 1. Д. 7. Л.1 об.
- ⁸ Трубецкой С.Е. Указ. соч. С. 9, 16.
- ⁹ Государственный архив Саратовской области. Ф. 19. Оп. 3. Д. 23; Оп. 1. Д. 2253, 2387, 2410, 2522.
- ¹⁰ Государственный архив Тамбовской области. Ф. 161. Оп. 1. Д. 149, 345.
- ¹¹ Соллогуб В.А. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 154.

М.И. Леонов*

Конец первой Боевой организации эсеров. «Дело Богдановича»

Убийство Д.С. Сипягина, покушение на И.М. Оболенского, сведения о намерениях террористов убить В.К. Плеве, К.П. Победоносцева, С.В. Зубатова, заявления Боевой организации партии социалистов-революционеров (БО п.с.-р.) крайне встревожили власти. Николай II горевал о потере «верного друга», Д.С. Сипягина, и обещал награду за поимку организаторов убийства. В.К. Плеве заявил, что уберет со своего письменного стола фотографию Г.А. Гершуни лишь тогда, когда руководитель БО будет арестован. Директор департамента полиции А.А. Лопухин приказал принять «строжайшие меры по розыску Гершуни»¹.

От В.Л. Бурцева идет подхваченная Б.И. Николаевским широко распространенная версия об утаивании тайным агентом департамента полиции Е.Ф. Азефом информации о БО и Г.А. Гершуни. Якобы в начале 1903 г. он затребовал 50 тыс. руб. «за голову» Гершуни. Руководители департамента полиции посчитали, что цена завышена, сделка не состоялась, и Азеф уехал в Москву готовить покушение на И.М. Богдановича². Все это не более чем вымысел. Скрупулезное исследование разнообразных материалов свидетельствовало: в 1902–1905 гг. «единствен-

---

* © Леонов М.И., 2011

ным источником осведомленности розыскных органов по группе социалистов-революционеров был Азеф», «все сведения, получившиеся от него, за редким исключением, отличались большой точностью», «весь розыск по партии с.-р. велся по его указаниям»³.

На основании сообщений Е.Ф. Азефа политический розыск установил наблюдение за Г.А. Гершуни как видным эсером с января 1902 г., но арестовывать его не торопился. «Гершуни теперь от нас далеко не уйдет никуда, так как стоит непосредственно близко к агентурному источнику, и немедленный его арест, оставив нас в темноте, пользы принесет мало, а агентуру может скомпрометировать», — убеждал 20 января 1902 г. Л.А. Ратаев А.А. Лопухина⁴. Без неопровержимых судебных улик арестовывать Гершуни смысла не было. Максимальное наказание, которое в таком случае его ожидало, — это административная ссылка, из которой не бежал только ленивый.

О планах и передвижениях террористов, в первую очередь главы БО, Е.Ф. Азеф информировал департамент полиции систематически⁵. В конце мая 1902 г. Г.А. Гершуни пригласил его в Берн. Во время встречи он рассказал о структуре и намерениях БО. И о приглашении на встречу, и о содержании разговоров с главой БО Е.Ф. Азеф немедленно уведомил своего шефа Л.А. Ратаева. Он настаивал на немедленной личной встрече «для переговоров относительно моей дальнейшей практики». Азеф предложил, не теряя времени, командировать его в Петербург, где ему удастся обстоятельнее узнать «о планах боевой организации и дезорганизовать ее». В уме и практической сметке Е.Ф. Азефу никто не отказывал. В конце июля 1902 г. он прибыл в Петербург⁶.

В сентябре 1902 г. (18 или 19 числа) Г.А. Гершуни телеграммой вызвал Е.Ф. Азефа в Киев, куда он 21 сентября и отправился в сопровождении филеров. В Киеве видный член комитета доктор В.В. Виноградов оповестил его, что Гершуни был вынужден срочно покинуть Киев, но скоро вернется, а о его прибытии Азефу сообщит М.М. Шнееров.

Встретился Е.Ф. Азеф с Г.А. Гершуни утром 27 сентября в «Петербургской гостинице», в номере, снятом М.М. Шнееровым. Вечером того же дня в номер Азефа в гостинице «Бель-Вю» последовательно являлись Г.А. Гершуни, П.П. Крафт и М.М. Мельников. С первыми двумя Азеф беседовал об «общих вопросах деятельности партии эсеров», главным образом, о транспорте литературы, провале Пензенской типографии и постановке новой общепартийной типографии на юге России. О терроре речь они не вели. Мельников, напротив, говорил «исключительно об организации террора». Он рассказал об участниках несостоявшегося покушения 5 апреля 1902 г. на В.К. Плеве и К.П. Победоносцева Е.К. Григорьеве и Ю.Ф. Юрковской, назвал их петербургский адрес; затем повествовал о планах покушения на В.К. Плеве и предложил Азефу возглавить подготовку этого покушения. За участниками встреч установили наблюдение⁷.

М.М. Мельников, ненавистник Г.А. Гершуни, описывая киевскую встречу, свел всех четырех в одно время и в одно место, совместив встречу 27 сентября и съезд боевиков в начале ноября 1902 г., на котором Е.Ф. Азефа не было. Его путанные воспоминания В.С. Житловская сопроводила примечанием: «По-моему, освещение всех фактов, затронутых в рукописи, очень субъективно и объясняется сильной нервностью М.[ельникова]». Судебно-следственная комиссия по делу Азефа показания Мельникова во внимание не приняла⁸. И тем не менее некоторые исследователи восприняли экспрессивные описания М.М. Мельникова за чистую монету.

Осенью 1902 г. заведующий наружным наблюдением Е.П.Медников установил плотное наблюдение за П.П. Крафтом, М.М. Мельниковым и Г.А. Гершуни — «Шляпой». В первой половине февраля 1903 г. политический розыск знал даже о поездке Гершуни на Кавказ с целью вербовки «террористов-башибузуков, чтобы явиться с ними в Петербург и начать расправу с Победоносцевым, Плеве, Витте и другими», полмесяца спустя — о том, что он «разбил себе морду, выскочив около Киева на ходу с поезда». Установили его киевского респондента А. Ллойд⁹.

В конце октября 1902 г. Л.А. Ратаев с явным удовлетворением докладывал: «...все усилия агентуры были направлены к тому, чтобы, по возможности, осветить состав «Боевой Организации» и проникнуть в ее планы, и в настоящее время в этом направлении получены весьма осязательные результаты»¹⁰. 5 ноября 1902 г. арестовали П.П. Крафта, 29 января 1903 г. — М.М. Мельникова, в феврале-марте 1903 г. — Т.С. Бартошкина, Л.А. Ремянникову, Е.К. Григорьева. Последний 10 и 11 февраля 1903 г. дал обстоятельные показания. Были получены неопровержимые улики против Г.А. Гершуни. Однако он, по выражению С.В. Зубатова, «вырвался из-под наблюдения» и организовал убийство уфимского губернатора Н.М. Богдановича¹¹.

Обстоятельства этого покушения мало выяснены. В глубинной Уфимской губернии розыскные органы действовали по старинке. Внутренняя и внешняя агентура была ниже всякой критики. «Доставлявшиеся Департаменту Полиции бывшим нач. Уфимского ГЖУ ген.-майором Шатовым сведения о противоправительственных кружках в Уфе не заключали в себе сколько-нибудь определенных данных», — констатировал товарищ прокурора С.-Петербургской судебной палаты¹². Террористов не арестовали, материалы дотошного следствия столичных профессионалов в научный оборот не вводились, соучастники убийства воспоминаний не оставили, сам Г.А. Гершуни описание покушения и писем террористов опубликовать не успел¹³.

Последнему террористскому предприятию Гершуни предшествовали трагические события. В начале марта 1903 г. начались волнения рабочих Златоуста, вызванные введением новых расчетных книжек. Полиция оказалась бессильной против массы рабочих, осаждавших управление

завода, квартиры заводской администрации. Обращались рабочие и к губернатору. На четвертый день выступлений, 13 марта, на территории завода были введены воинские части. Призывы к успокоению не подействовали, и тогда был дан приказ дать залп в воздух. Рабочие сначала легли на землю, а затем двинулись вперед. Раздалось три залпа: десятки людей были убиты и ранены¹⁴. Такого кровопролития в царствование Николая II до тех пор не было. Возмущены были все, оппозиция и революционеры негодовали. Губернатора Н.М. Богдановича немедленно вызвали в Петербург для личного доклада министру внутренних дел¹⁵.

Г.А. Гершуни в марте—апреле 1903 г. объезжал города Юга России. В Харькове он написал большое письмо в редакцию «Революционной России»¹⁶. В конце того же месяца, как установило следствие, Гершуни в г. Коломне «имел свидание с одним из убийц Богдановича» и, «дав инструкции, отправил его в Уфу», куда он поездом из Самары с паспортом на имя Виленского мещанина И.П. Ивина прибыл 3 мая. Вероятнее всего, это был «Апостол». Сам Г.А. Гершуни из Коломны выехал в направлении Казани и, прибыв в Уфу 3 мая 1903 г., остановился на квартире однокашника по Киевскому университету А.А. Бельского и «сейчас же занялся устройством убийства»¹⁷.

Свидетельств того, что Уфимский комитет партии эсеров самостоятельно пытался организовать покушение, нет. Вероятно, именно его члены представили Е.О. Дулебова, рабочего железнодорожных мастерских, Г.А. Гершуни, который и назначил его «исполнителем» покушения. По заданию главы БО члены Уфимского комитета В.В. Леонович, А.А. Бельский, Н.Н. Плаксин, А.Е. Морозов «выслеживали Богдановича», обеспечивали террористов квартирами, прикрывали их¹⁸. Дулебов и «Апостол» «изучали топографию». Место выбрали «с явным расчетом скрыться после убийства в овраге»¹⁹.

Уфимский губернатор Н.М. Богданович в день именин царя, 6 мая 1903 г., около трех часов дня вышел на традиционную прогулку в Ушаковский парк. Гулял он всегда в одиночестве, выбирая отдаленные уголки. И в этот день свернул на почти безлюдную аллею. Сопровождавший губернатора городской Сухарев издали видел двух молодых людей, один из которых шел вслед, другой навстречу Н.М. Богдановичу. Это были вооруженные браунингами Е.О. Дулебов и «Апостол». Все было рассчитано и, возможно, отрепетировано. Террористы сблизилась с жертвой, и тот, который был сзади губернатора, дважды выстрелил. Богдановича развернуло, тогда в него, уже лежащего, в упор стал стрелять второй. Губернатора буквально изрешетили. Одна из пуль, которые извлекли эксперты, имела крестообразный надрез. На тело покойного террористы бросили пакет с приговором БО. Затем один из них перескочил через низкий забор и бросился к Соборной площади, другой выбежал на ту же площадь через вертушку, расположенную в нескольких саженях от места убийства. Достигнув Семинарского сада, они помчались в разные

стороны. Один – по Воскресенской, другой – вверх по Ильинской улице до Гоголевской, по ней вдоль стены Семинарского сада до Воскресенской улицы и далее, повернув направо, скрылся в овраге. От Соборной площади за одним из убийц побежал сторож Антонов, к которому присоединился сторож Терентьев. Продолжать погоню в овраге оба не рискнули. В Семинарском парке другого убийцу попытался задержать крестьянин Барановский (он пил водку возле соборного сарая). Но террорист пригрозил ему браунингом, и Барановский повернул назад²⁰.

В момент покушения Г.А. Гершуни, В.В. Леонович, А.Е. Морозов находились в парке. А.Е. Морозов в испуге побежал за одним из убийц и был арестован²¹. Убийцы ускользнули. Об «Апостоле» известно лишь, что он, наверное, был военным (возможно, запасным)²². Е.О. Дулебов скрывался в Екатеринбурге, Саратове, Баку, а в 1904 г. вошел в возглавляемую Б.В. Савинковым БО, участвовал в покушении на В.К. Плеве. Страдал от нервного расстройства, которое в 1905 г. перешло в тяжелое психическое заболевание. Скончался в психиатрической клинике в 1908 г. в возрасте 24 или 25 лет.

Утверждение Б.В. Савинкова о том, что Е.О. Дулебов «шестью выстрелами из браунинга» застрелил Н.М. Богдановича «совершенно один», не согласуется ни с результатами следствия, ни с показаниями очевидцев, ни с характеристиками орудия убийства²³. «Браунинг» М-1900, которым пользовались все направляемые Г.А. Гершуни террористы, в том числе убийцы Н.М. Богдановича, имел магазин на семь патронов. «Браунинг» М-1903, также семизарядный, к производству которого бельгийская «Фабрик Насьональ» приступила в 1903 г., был слишком велик для карманного пистолета – его длина равнялась 203 мм. Дулебов из своего браунинга мог выстрелить не более семи раз. А выстрелов, как установило следствие, было девять.

«Революционная Россия», датированная 15 мая 1903 г., информировала: «6 мая по постановлению Боевой Организации Партии Социалистов Революционеров двумя ее членами убит уфимский губернатор Н.М. Богданович». В изъятом при обыске Г.А. Гершуни написанном им черновике прокламации «Ко всей сознательной и трудовой России» также говорилось о двух членах БО, убивших Богдановича «девятью пулями». В прокламациях БО, ЦК и местных организаций эсеров, свидетельства очевидцев сообщалось о двух членах БО, или «членах БО», убивших уфимского губернатора, часто указывалось, девятью выстрелами²⁴.

Г.А. Гершуни особо заботился о публичной мотивации террора, создании образа героя-террориста, жертвующего жизнью во имя народа, искоренения зла, светлого будущего. В обряд сотворения героя входило «прощальное письмо». С.В. Балмашев писал письмо в Выборгской гостинице под наблюдением Г.А. Гершуни, Е.К. Григорьев сочинял в его присутствии. Он сумел написать строк десять, силы покинули его. Гершуни забрал недописанное письмо, заверив, что сам завершит его. «Тем-

ному самоучке» К.Ф. Качуре он диктовал, позаботившись снабдить того чернилами и ручкой. Сразу же после покушения издавались огромными тиражами «письмо», «приговор БО», описание покушения, статьи и брошюры, славословящие «героя»²⁵.

Опубликованное Б.В. Савинковым письмо Е.О. Дулебова явно продиктовано Г.А. Гершуни, о чем свидетельствуют свойственные его стилю гиперболы и экспрессивные метафоры: «нас давили, как рабов»; «нашу кровь проливали, как воду»; «налетают озверелые казаки, жандармы и шпионы и начинается дикая расправа»; «бьют нагайками, бьют шашками, топчут лошадьми, увозя в участок, нагло издеваются»; «за проливаемую кровь должна течь кровь угнетателей»; «хищный коршун»; «рвет на части наш народ». Письмо Е.О. Дулебова и «Письма» Ф.К. Качуры содержат идентичные выражения: «я иду убивать», «я иду выполнять приговор боевой организации», «нашу кровь проливали», «наглое издевательство», «налетают озверелые казаки, жандармы», «я считаю счастьем, что на мою долю выпало отомстить этому извергу», «пролито много крови», «хищный коршун», «пить нашу кровь»²⁶.

Следствие не сумело собрать документальные улики причастности к покушению арестованных в мае 1903 г. В.В. Леоновича и А.Е. Морозова, через 10 месяцев они были освобождены²⁷. Остальные члены Уфимского комитета отделались краткосрочными задержаниями.

«Уфа, — писал 6 апреля 1903 г. Г.А. Гершуни, — город маленький, пути сообщения скверные, и выбраться оттуда очень трудно»²⁸. По переписи 1897 г. в ней насчитывалось чуть более 49 тысяч жителей, в том числе 376 евреев. Чтобы обеспечить выезд главы БО с его явно выраженной семитской внешностью, эсеры инсценировали свадебный кортеж. «Жених» «с небольшой французской бородкой» и букетом цветов — Г.А. Гершуни — и «невеста» — М.А. Прокофьева, — сопровождаемые веселой компанией, благополучно добрались до вокзала и вошли в вагон поезда²⁹.

Г.А. Гершуни стремился в свой опорный пункт — Киев. Там его наперсницы Д.В. и Р.В. Рабинович с нетерпением ожидали телеграмму из Уфы о покушении и готовили прокламацию³⁰. 6 мая поезда на Киев не было. Гершуни, стремясь поскорее выбраться из Уфы, взял билет до Невьянска на поезд, который отходил 6 мая в 10 часов 6 минут вечера. Из Невьянска, куда Гершуни прибыл 8 мая в 12 часов 30 минут дня, он в 1 час 33 минуты ночи 9 мая отправился на поезде, следующем на Киев, а в Туле перебрался на скорый поезд № 5, который не останавливался на станции Киев-2. На станции Дарница Гершуни 13 мая 1903 г. в 4 часа 13 минут ночи пересел на полтавский поезд и, доехав до станции Киев-2, вышел из вагона и направился в город³¹.

Его ожидали. Опытный Е.П. Медников 8 мая 1903 г. наставлял начальника киевского охранного отделения А.А. Спиридовича: «Гершуни ловите ... больше осторожности, не спешите, горячки не точайте. ... Как

можно больше выдержки»³². 12 мая члены киевского комитета партии эсеров, собравшиеся на квартире Р. Рабинович, получили условную телеграмму: «Папа приедет завтра. Хочет повидать Федора. Дарницкий». Секретный агент, студент А.Л. Розенберг — «Конек», — изловчился заглянуть в нее и помчался к А.И. Спиридовичу. Было ясно — телеграмму послал Г.А. Гершуни³³.

Около шести часов вечера 13 мая 1903 г. на станции Киев-второй филеры Демидюк, Жуков, Алентов опознали в вышедшем из вагона хорошо одетом мужчине в фуражке инженера и с портфелем в руках Г.А. Гершуни и арестовали его. При обыске у него изъяли два паспорта (один из них заграничный) на имя мещанина Р.Н. Раба, написанные синим химическим карандашом на восковой бумаге прокламации Киевского комитета и БО ПСР о покушении на Н.М. Богдановича, о волнениях в Златоусте, заряженный браунинг, две записные книжки с шифрованными записями, пятьсот рублей и пятьсот франков, черновик написанной им неоконченной прокламации «Ко всей сознательной и трудовой России», в которой говорилось: «В то время, когда я пишу эту прокламацию, т. е. 6 мая, убийца еще в Уфе, но в сравнительной безопасности». Там же был изложен текст «Приговора Боевой Организации», идентичный тексту, найденному на теле убитого губернатора³⁴.

Получив донесение об аресте главы БО, директор Департамента полиции А.А. Лопухин немедленно телеграфировал: «Гершуни закупите ножные ручные кандалы доставьте Петербург крепость строжайшим караулом двумя офицерами. Примите меры возможности самоубийства». В Петербург Г.А. Гершуни доставили 16 мая 1903 г. и заключили в одну из самых изолированных камер верхнего бастиона Шлиссельбургской крепости, где с него сняли кандалы³⁵.

А.И. Спиридович получил более 20 поздравительных телеграмм и писем, чин подполковника и 20 тыс. рублей наградных³⁶. Последнее обстоятельство вызвало крайнее раздражение А.А. Ратаева: «За поимку Гершуни было обещано 20000 рублей, — писал он директору департамента полиции. — Агентура [Е.Ф. Азеф. — М.Л.] выбивается из сил, чтобы их заработать и все-таки не добивается желаемого»³⁷.

Первая БО представляла в таком виде: «руководители», «исполнители», «посредники-помощники», «техники». Полномочный руководитель БО, ее «диктатор» — Г.А. Гершуни. Он назначал «исполнителей», задумывал и организовывал покушения, осуществлял их литературное обеспечение. М.М. Мельников и П.П. Крафт выполняли его поручения. Представителем БО за границей считался М.Р. Гоц. Гершуни, Мельников и Крафт организовывали покушения на свой страх и риск, задним числом ставя в известность эсеровских лидеров в эмиграции и России, в том числе и Гоца.

С.В. Балмашеву, Е.К. Григорьеву, Ю.Ф. Юрковской, Ф.К. Качуре, Е.О. Дулебову, «Апостолу» и на первых порах Т.С. Бартошкину отводи-

лась роль исполнителей намерений руководителей БО. Весной 1903 г. появилось еще несколько «исполнителей».

Посредниками-помощниками были А.А. Бельский, Н.И. Блинов, Е.К. Брешко-Брешковская, А.И. Вейценфельд, Е.М. Калиновская-Блинова, С.Г. Клитчоглу, В.В. Леонович, А.Е. Морозов, Н.Н. Плаксин, Д.В. и Р.В. Рабинович, Л.А. Ремянникова. Отдельные поручения выполняли Л.Д. Варенов, Я.Г. Загородний и некоторые другие. «Техники», изготовители взрывных снарядов, бомб, появились с осени 1902 г. и дислоцировались за границей — это А.Г. Левит, П.С. Поливанов, А.Д. Покотилов.

Мотивация террора, создание истории БО, «житий» террористов было прерогативой эсеровского теоретика В.М. Чернова.

Особую роль в делах БО играл тайный агент департамента полиции Е.Ф. Азеф, с мая—июня 1902 г. поверенный главы БО. Зимой 1903 г. Г.А. Гершуни, согласно В.М. Чернову, назвал Е.Ф. Азефа «своим преемником по боевому делу»³⁸.

Все нити БО находились в руках ее главы. Другим он сообщал столько, сколько считал нужным. После его ареста несколько завербованных им человек (их имена остались неизвестными) метались по России, «совершенно не зная, что им делать». Виднейшие партийные функционеры пребывали в полной растерянности, не ведая ни о том, каковы были распоряжения и планы Г.А. Гершуни, ни о том, кто будет новым «распорядителем БО»³⁹.

13 мая 1903 г. с арестом «диктатора» первая БО прекратила свое существование.

Примечания

¹ РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д.1053; Спиридович А. Записки жандарма. М., 1991. С. 122; Красный архив. М., 1926. С. 198.

² Бурцев В.Л. В погоне за провокаторами. С. 243; Николаевский Б. История одного предателя. М., 1991. С. 66–68.

³ Дело А.А. Лопухина в Особом присутствии правительствующего Сената. Стенографический отчет СПб., 1910. С. 13, 26–27, 40–41, 88.

⁴ Документы Охраны о Г.А. Гершуни. 1900, 1902, 1903 гг. // РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1053. См. также: Письма Азефа. М., 1994. С.67–70. Департамент полиции знал не только о том, когда и через какие пограничные станции проедет Г.А. Гершуни в Россию, но также и о том, что в течение первого месяца пребывания в России он будет последовательно находиться в Киеве, Тамбове, Саратове, Самаре, Москве и Петербурге, а в течение второго месяца — в Орле, Харькове, Чернигове, Кишиневе, Одессе, Ростове-на-Дону и Екатеринославе.

⁵ Письма Азефа. С. 64–67, 69, 72, 7–3, 76–79, 82–84, 87–88; РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 1053; ГАРФ. Ф. 102. ДП. Оп. 316. 1898 г. Д. 1 Ч. 16. Л. 18–29.

⁶ Возвращение Азефа в Россию планировалось давно. В ноябре 1901 г. он «распустил слух», что фирма, в которой он работал, командировала его на

шесть–восемь месяцев в Берлин. Срок истек, и он опасался, как бы «русская колония не узнала, что я вовсе не командирован и что я работаю как волонтер без жалованья» // Письма Азефа. С. 62, 83–86.

⁷ Л.А. Ратаев А.А. Лопухину. 25 октября 1902 г. // ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп. 316. 1898 г. Д. 1. Ч. 16. Л. 44–47.

⁸ Заявление Мельникова в ЦКПСР. Париж, 14 июня 1912 г. // ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 24. Л. 6–7; Рукопись [М.М.] Мельникова // Там же. Д. 85. Л. 12–14, 73–74.

⁹ Письма Е.П. Медникова А.И. Спиридовичу // Красный архив. 1926. № 4. С. 194–199.

¹⁰ Л.А. Ратаев А.А. Лопухину. 25 октября 1902 г. // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 316. 1898 г. Д. 1. Ч. 16. Л. 43.

¹¹ Письмо С.В. Зубатова А.И. Спиридовичу // Красный архив. 1922. № 2. С. 281.

¹² ГАРФ. Ф. 124. МЮ. Оп. 1903 г. Д. 1044. Л. 97.

¹³ «По делу Богдановича» было допрошено более 70 свидетелей, 19 из которых арестовали.

¹⁴ По одним данным, было убито 28 человек и ранено 41, по другим – убито 39 человек и несколько десятков ранено, по третьим – убито 45 человек и ранено 83.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 565. Л. 81.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 567.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. ДП ОО. Л. 215–219; Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 1044. Л. 29, 62, 90.

¹⁸ Там же. Д. 565. Л. 183–187, 215–219; Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 1044. Л. 62, 117–118.

¹⁹ Там же. Л. 30.

²⁰ Там же. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 565. Л. 15, 39, 50; Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 1044. Л. 30, 43; Горбунов М. [Колосов Е.Е.] Б. Савинков. Воспоминания террориста // Каторга и ссылка. М., 1927. № 8. С. 232; Николаевский Б. История одного предателя. С. 67–68 // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 565. Л. 184; Письма Медникова Спиридовичу // Красный архив. 1926. № 4. С. 201.

²¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 565. Л. 184, 192–197; Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 1044. Л. 117–121; ГОПБ. ОР. ЦЛ 18–216. 1903. V. 6.; Попов И. В.В. Леонович Ангарский // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. М., 1932. № 4. С. 118; Письма Медникова Спиридовичу // Красный архив. 1926. № 4. С. 201.

²² Об убийстве уфимского губернатора Богдановича // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 565. Л. 183–184; Дело об убийстве уфимского губернатора Богдановича // ГАРФ. Ф. 124. МЮ. Оп. 1903 г. Д. 1044. Л. 116. Об «Апостоле» вскоре после покушения А.А. Бельский, член уфимского комитета, рассказывал агенту департамента полиции.

²³ Савинков Б.В. Воспоминания террориста. С. 154. (М.М. Мельников уверял даже, что руководитель БО приехал в Уфу только 7 мая и «присвоил» покушение на Богдановича) // ГАРФ. 1699. Оп. 1 Д. 85. Л. 63.

²⁴ Революционная Россия. 1903. № 24. С. 1; № 25. С. 15; 1904. № 44. С. 14; ОРК ГОПБ. ЦЛ 18 217 1903. V. 6. (БОПСР, б./д.); ЦЛ 18 217 1903. V. 6. (БО ПСР. Типография ПСР); ЦЛ 18 217 1903. V. 7; ЦЛ 18 216 1903. V. 7; ЦЛ 18 77 1903. V. 10; Народное дело. Париж, 1903. № 4. С. 145–146; 1904. № 5. С. 105–111.

²⁵ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 993. Л. 11–14; Оп. 1902 г. Д. 773. Л. 98; Дело Гершуни или т. н. Боевой организации. СПб., 1907. С. 11–13; Леонов М.И. «Дело Оболенского». (Боевая организация и террористы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. Пенза, 2008. № 1(5). С. 30–34.

²⁶ (Письмо Е.О. Дулебова) // Савинков Б. Воспоминания. Воспоминания террориста. М., 1990. С. 153–154; Письма рабочего героя к товарищам и крестьянам. [Б.м.], 1902; Два письма рабочего революционера // ОРК ГОПБ. ЦЛ 18. 217. 1902. VII. С. 153–154; ГПБ. ОРК ЦЛ 18.217. 1902. IV. 3; Революционная Россия. 1906. № 6. Приложение; ГАСар.О. Ф. 280. Оп. 1. Д. 73; Да здравствует Народная Воля! Париж, 1907. С. 29–30.

²⁷ Заключение о крестьянине А.Е. Морозове и дворянине В.В. Леоновиче // ГАРФ. Ф. 124. МЮ. Оп. 1903 г. Д. 1044. Л. 113–121; В.В. Леонович «мог жестоко полатиться» за участие в покушении на Н.М. Богдановича. Его спасло только то, что следствие не выявило неопровержимых доказательств его причастности к покушению // Попов. И. В.В. Леонович-Ангарский // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. М., 1932. № 4. С. 118.

²⁸ ГАРФ. Ф. 124. МЮ. Оп. 1903 г. Д. 1044. Л. 62.

²⁹ Еврейская энциклопедия. Т. 15. С. 143; Знамя труда. 1913. № 52. С. 2. См. также: Чернов. В.М. Перед бурей. М., 1993. С. 163. «Одно из крупных дел ее (Прокофьевой М.А. – М.Л.) содействие Г.А. Гершуни, когда ему после убийства уфимского губернатора Богдановича надо было уехать из тихого провинциального города, не привлекая к себе внимания властей» // Знамя труда. Париж, 1912. № 52. С. 2.

³⁰ Телеграммы А.И. Спиридовича от 7 и 9 мая 1903 г. // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 565. Л. 13, 38.

³¹ Рапорт прокурора С.-Петербургской судебной палаты от 29 октября 1903 г. // ГАРФ. Ф.124. Оп. 1903 г. Д. 993. Л. 34.

³² Красный архив. 1926. № 4. С. 199.

³³ РГАСПИ. Ф. 673. Оп.1. Д. 558; Спиридович А. Записки жандарма. С. 123–125.

³⁴ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 1903 г. Д. 993. Л. 34, 38, 48; Революционная Россия. 1904. № 44. С. 11; Начальник Киевского охранного отделения ротмистр А.И. Спиридович директору Департамента полиции // ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 842. Л. 210; Спиридович А. Записки жандарма. С. 125–127.

³⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1903 г. Д. 842. Л. 211, 218.

³⁶ Красный архив. М., 1926. № 4. С. 199–217.

³⁷ Л.А. Ратаев А.А. Лопухину 3/16 сентября 1904 г. // ГАРФ. Ф. 102. ДП Оп. 316. 1904 г. Д. Ч. 1. Т. 3. Л. 111.

³⁸ Из истории Партии С.-Р. Показания В.М. Чернова по делу Азефа в следственной комиссии партии С.-Р.// Новый журнал. Нью-Йорк, 1970. № 100. С. 295.

³⁹ ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 128. Л. 37; Д. 132. Л. 132; Ф. 102. ДП. Оп. 316. Д. 16. Ч. 16. Лит. А. Т. 2. Л. 16.

В.Ю. Кузьмин*

Развитие медицинского образования в Самарском регионе (вторая половина XIX – начало XXI в.)

Начиная с XVII века медицина была одной из значимых сфер деятельности Российского государства. Ее практическое развитие во многом зависело от развития медицинского образования, как в столицах, так и в регионах России.

Начиная со второй половины XIX века в Самарской губернии оно развивалось интенсивными темпами.

В 1860 г. Самарское земство открыло фельдшерскую школу. К 1880 г. она подготовила для губернии 119 фельдшеров, 130 фельдшериц-акушеров, 60 акушеров. В 1901 г. в ней работал 21 преподаватель. В 1883 г. гласный В.А. Племянников предложил закрыть школу, так как обучение фельдшеров было слишком накладно для земства. Против выступили гласные А.В. Иванов, А.С. Юшанцев, Л.И. Ященко, С.О. Лавров, заявив, что школа полезна, закрывать ее – подрывать авторитет земства. В 1885 г. гласные Вельц и Мордвинов высказывались за расширение штата фельдшеров, против был тот же В.А. Племянников [1].

В 1910 г. фельдшерская школа, как и другие аналогичные учебные заведения России, была реорганизована в фельдшерско-акушерскую [2].

11 января 1919 г. в Самаре при государственном университете был открыт медицинский факультет. Его первым деканом был известный социал-гигиенист В.В. Гориневский [3]. В 1922 г. в тяжелый послевоенный период университет провел первый выпуск врачей. Дипломы получили 39 врачей. В 1927 г. из-за тяжелой социально-экономической ситуации в Самарском крае университет был закрыт.

В силу необходимости подготовки медицинских кадров в Куйбышеве в 1935 г. вновь состоялось открытие Самарского государственного медицинского института. Параллельно с ростом его авторитета медицинского в области увеличивается количество желающих учиться в нем. Однако вуз не имел клиник, в которых можно было бы не только квали-

---

* © Кузьмин В.Ю., 2011